

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

204

**АНТИЧНЫЙ МИР
И ВАРВАРЫ
ЕВРАЗИИ**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И.Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА "НАУКА" 1991

- ¹⁹ С к а л о н К.М. О некоторых формах стеклянной посуды позднеантичного и ранне-средневекового Боспора // СГЭ. Л., 1973. XXXII. С.50-53.
- ²⁰ Б л а в а т с к и й В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С.256.
- ²¹ С о р о к и н а Н.П. Указ.соч. С.159.

В.А.Мешкерис

ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ КОРОПЛАСТИКИ БАКТРИИ - ТОХАРИСТАНА

Цель настоящей статьи представить терракоты Бактрии-Тохаристана в поступательном процессе поэтапного развития художественной культуры данного региона. Поставленная задача дает возможность с одной стороны - определить место бактрийских терракот в схеме исторической периодизации доарабского искусства этого региона, с другой - выявить динамику ранних, зрелых и позднекушанских тенденций в этой области художественного творчества. Вопрос о хронологической периодизации коропластики Бактрии-Тохаристана пока еще находится на стадии накопления стратиграфических данных и разработки самостоятельных колонок в исследовании отдельных городищ и локальных областей (Халчаяна¹, Саксанохура², Явана³, Дальверзинтепе⁴, Старого Термеза⁵ и ряда городищ Северного Тохаристана⁶). Несмотря на локальную дробность созданных хронологических колонок и критику исследований эталонных памятников (Халчаян и Дальверзинтепе)⁷, а также спорность различных точек зрения на кушанскую хронологию⁸, стратиграфически датированные терракоты до сих пор имеют решающее значение в периодизации коропластики Бактрии-Тохаристана. В этом отношении очень важны специальные работы, посвященные терракотам: Г.А.Пугаченковой⁹, Т.И.Земаль¹⁰, В.А.Завьялова и И.К.Абдуллаева¹¹ и А.В.Седова¹², а также, по мере того как делались открытия, публикации археологически датированных находок вместе с материалом из стратифицированных слоев¹³. Однако в основу этих работ были взяты локальные и выборочные принципы характеристики материала. Поэтому одной из конкретных задач, поставленных в настоящей работе, было выявить, по возможности, в полном объеме все терракоты, обнаруженные (вместе с сопутствующим материалом - керамикой и монетами) на разных уровнях стратиграфических горизонтов.

В построении хронологической колонки (рис.1) использовались данные стратиграфических шурфов и разрезов, позволяющие расчленить терракоты на отдельные хронологические комплексы в устойчивых сочетаниях. Выборка этих комплексов осуществлена на основе изучения материалов стратиграфически датированных слоев Ай-Ханум¹⁴, Кей-қобад-шах, Халчаяна, Дальверзинтепе, Зартепе, Кампыртепе, Тепай-шах и шурфов Старого Термеза¹⁵. Следует, однако, отметить, что в определении этапов смены исторических стилей метод аналогий, дающий возможность установить семантико-стилистические и иконографические параллели, не менее важен, чем стратиграфический метод. На современном уровне исследования коропластика Бактрии-Тохаристана может быть подразделена на четыре хронологические группы, отражающие следующие стили: докушанский, раннекушанский архаической фазы (III в. до н.э.) и развитый кушанский, позднекушанский классической фазы (I в. н.э. - IV в. н.э.). Архаическая фаза становления бактрийской пластики представлена айханумским¹⁶ и халчаянским комплексами¹⁷, включающими восточноэллинстические образцы, генетически связанные с древнейшим искусством Передней Азии и уникальные предметы скифского круга (рис.1, I-22). К раннему типу терракот на основании аналогий был также отнесен редкий ритон амлашевского типа¹⁸. Однако наиболее характерны для

Халчаянский комплекс: 12, 13, 16, 18, 19, 20 - образцы коропластики (Халчаян); 14 - статуэтка богини (Старый Термез); 15, 17 - образцы коропластики (Дальверзинтепе); 21 - женская головка (Кампыртепе); 22 - статуэтки богини (Бараттепе); в, г, д - монеты Деметрия, варварского Гелиокла, Сотер Мегас XI-XVI - основные формы сосудов (Халчаян, Старый Термез) Кадфиз I; В - близкие по стилю к статуэткам группы А (Айханумский комплекс) (13-15, 18-22); Г - печжийский мотив (16); 12, 17, 21 - эллинистические типы

Дальверзинский комплекс: 23 - статуэтки Будды (Старый Термез); 24-26, 28, 29, 31 - статуэтки богинь и музыкантов; 35 - лицевая маска Будды или бодисатвы (Дальверзинтепе); 27, 30 - статуэтки женского божества (Саксанохур); 32 - терракотовый медальон (Халчаян, дворец); 33 - мужская статуэтка (Бараттепе); 34 - статуэтка Будды (Каратепе); 36 - лепная фигурка обезьяны-барабанщицы (Гиссар). XVII-XIII вв. - формы сосудов (Дальверзинтепе), е, ж, з, и - монеты Вимы Кадфиза, Канишки, Хувишки, Васудевы; Д - династийные мотивы (32, 33); Е - буддийские мотивы (23, 34, 35); Ж - бактрийские (самобитные) мотивы (24-31)

Зартепинский комплекс: 37-43, 47 - антропоморфная и зооморфная терракота позднекушанского времени (Зартепе); 44 - плитка с изображением воина (Дальверзинтепе); 46 - статуэтка Будды (Ак-курган); XIV-XIII вв. Зартепинская керамика: й, к, л, м - монеты Пероза I, Хормизда I, Варахрана I, Варахрана II; 3 - бактрийские (самобитные) мотивы (41, 43, 44); И - индо-буддийские мотивы (37, 38, 42, 45, 46); й - образцы анималистической пластики (39, 40, 47)

архаической фазы статуэтки обнаженных богинь, наподобие тех, которые повсюду в Передней Азии встречаются в ахеменидских, селевкидских и раннепарфянских слоях¹⁹. Что касается Средней Азии, то ранняя датировка статуэток архаических обнаженных бактрийских богинь до сих пор вызывает сомнение, так как они обнаружены в единственном экземпляре, либо в кушанских слоях²⁰, либо в "ранних" слоях, датировка которых по мнению ряда археологов якобы недостаточно аргументирована²¹. В качестве доказательства, отрицающего существование ранней фазы бактрийской пластики до последнего времени приводился довод о том, что в Ай-Ханум не обнаружены терракоты²². Однако результаты раскопок Ай-Ханум свидетельствуют о существовании в греко-бактрийский период искусства малых форм из кости, терракоты, в котором Г.П.Франкфор различает древневосточный и эллинистические стили²³. Факт обнаружения костяных и терракотовых изделий в Ай-Ханум, Тахти-Сангин, Кампыртепе, Старом Термезе в греко-бактрийских слоях²⁴ подтверждает существование докушанской стадии в пластическом искусстве Бактрии, которая может быть датирована III-II вв. до н.э. Выявленный материал вместе с греко-бактрийской керамикой, в которой одной из ведущих форм являются характерные полусферические чаши айханумского типа с отогнутым наружу клювовидным венчиком и кубками округлой формы (рис. I, VII-X)²⁵, сопровождаемой греко-бактрийскими монетами, позволяет сделать заключение о характере изначальной стадии изобразительного искусства. В этот период в местной пластике использовались эталоны передневосточного эллинизма, где "нагая иконография" трансформировалась в стилистики "закона фронтальности"²⁶. Наряду со статуэтками обнаженных богинь встречены схематизированные статуэтки, основанные на геометризации силуэтного абриса (рис. I, 7-10)²⁷, а также на восприятии эллинистических традиций реализма в изображении местных богинь, как это мы видим, в изготовлении серебряной статуэтки II в. до н.э. из Тахти-Сангина²⁸. Что касается датировки трапециевидных статуэ-

ток Саксанохура (Ш-П в. до н.э.)²⁹, то она пока остается спорной, так как подобные статуэтки судя по находкам в Мирзакультепе³⁰ и Дальверзинтепе³¹, появились несколько позже в раннекушанское время, датируемое по монетам варварского Гелиокла, Сотера Мегаса между I в. до н.э. и I в.н.э.³² К тому же в определении датировки саксанохурских статуэток следует иметь в виду то обстоятельство, что если в ранней пластике архаической фазы господствует реалистическая тенденция, то линейный прием, сочетающийся с минимальной объемностью, характерен для плоскостного стиля коропластики кушанской эпохи.

Следующий, юечжийско-кушанский период (П в. до н.э. – I в. н.э.), представленный комплексом, именуемым археологами халчаянским (рис. I, 12–22), характеризуется изменением набора форм сосудов – появлением колоколовидных и рюмкообразных бокалов (рис. I, XI–XV)³³, утверждением устойчивой иконографии обнаженных богинь, фронтально стоящих с протянутыми по бокам руками, архаической трактовкой в такой же канонической позе идолоподобного "Аполлона", а также изготовлением различных штампованных статуэток (эллинизированных, самобытных трапецевидного силуэта) и, наконец, лепных, примитивно передающих облик степняков сако-юечжийской среды. Можно предположить, что к концу раннекушанского периода наряду с перечисленными сюжетами существовали буддийские образы (статуэтки Будды в Старом Термезе обнаружены в слое с тетрадрахмой Гелиокла). Весь этот комплекс, состоящий из перечисленного набора керамики и терракот, датированный на основании монетных находок раннекушанским временем полностью или частично, выявленный на Халчаяне³⁴, Чим-Кургане³⁵, Дальверзинтепе³⁶, Айртаме³⁷, Старом Термезе³⁸, Мирзакультепе³⁹, Такти-Сангине⁴⁰, Кампыртепе⁴¹ – отражает халчаянский этап бактрийской культуры⁴². Тенденция к омоложению халчаянского комплекса на основе передатировки монет Герая⁴³, как показали приведенные аргументы в работах Е. А. Давидович⁴⁴ и Г. А. Пугаченковой⁴⁵, не представляется плодотворной. Таким образом датировка монет юечжийских правителей Бактрии-Гелиокла, Сотера Мегаса – в большом количестве найденных на Халчаяне, равно как и монет Герая, обнаруженных на других городищах, иконографически близких к халчаянской скульптуре, может быть определена пределами – от рубежа П-I в. до н.э. до I в. н.э.⁴⁶ Это дает основание подвергнуть сомнению позднюю датировку архаических терракот "великокушанским этапом"⁴⁷. Будучи вотивными культовыми предметами ранние терракоты могли веками существовать наряду с более поздними кушанскими статуэтками. Факты единичных находок существенно не изменили схему периодизации исторических стилей, основанную на фиксации смены и сосуществовании художественных идей различных эпох.

Айханумский и халчаянский комплексы (рис. I, I–22) отражают, несомненно, ранний бактрийский вариант передневозосточного эллинизма.

Самый многочисленный и разнообразный – дальверзинский комплекс (рис. I, 23–36; рис. 2, I, 2, 4, 5, 6), приходится на великокушанский этап (I–IV в. н.э.). Стиль этой эпохи представлен основной массой терракот однотипных серий, классификация которых разрабатывается с учетом функциональных и семантических признаков⁴⁸. Самые многочисленные популярные статуэтки местной бактрийской богини в сидячей позе зафиксированы вместе с монетами Вимы Кадфиза, Канишки, Хувишки. Изображения богини Ардохшо, сидящей на троне, на реверсе монеты Васудевы II, подтверждают династийный характер местной богини. Разнообразны статуэтки богинь с различными культовыми атрибутами, облаченных в эллинизированные и самобытные одежды: в хитон и гиматий, складчатую тунику, строгое платье трапецевидного силуэта. Схематизированный вариант либо уплощенных, либо обычно примитивных

Р и с. 2. Образцы коропластики кушанской и раннесредневековой эпохи

1 - террактовый бюстик местной богини из Джаркургана КИ 1622-2; 2, 6 - статуэтка богини с инвенстатуарным кольцом, сидящая богиня на троне (Зартепе); 3, 4 - маска Киртимукши, адорантка (Хайрабадтепе) (ИМ); 5 - статуэтка богини из Саксанохура (ИИАЭ ТаджССР)

статуэток отличается орнаментальной трактовкой. Особую роль представляют индо-буддийские типы (Будды, Боддисатвы, Джайны и кушанские донаторы)⁴⁹. Статуарные типы дополняются скульптурно оформленной керамикой (фигурные ручки, налпы). В этот период наблюдается стабилизация бокалов с колоколовидным туловом, появление высоких кубков на сплошной ножке, а также широкое распространение чаш и одноручных и двуручных кувшинов (рис.1, ХУП-XXIV)⁵⁰. Систематизация терракот кушанской Бактрии выявила следующие четыре стилистические тенденции: местные, бактрийские, династийно-кушанские, эллинистические и индийские. Они представляли собой своеобразные слагаемые регионального стиля.

Зартепинский комплекс (рис.1, 37-47; рис.2,3) охватывающий позднекушанский и сасанидский периоды с IV по V в. н.э., представляет собой резко измененный набор керамики, отличающийся специфическим декором: исчезают бокалы и кубки, появляются небольшие кувшинчики, поверхности сосудов украшаются штампами и налпами, сетчатым орнаментом (рис.1, XXV-XXX). Характерны фигурные зооморфные ручки и подставки (рис.1, 39,47), роговые ритоны, увенчанные головкой козла (рис.1, XXXI). В терракотах наблюдается совмещение позднеэллинистических традиций с местным этнографизмом, экспрессивной трактовкой и сюжетной повествовательностью мифологических сцен. Терракоты зартепинского и кабадианского типов представляют предметы разного функционального назначения: крупные уникальные статуэтки экспрессивной трактовки⁵¹, плитки с мифологическими сюжетами⁵², налпы на керамике, передающие облик чужеземных персонажей эллинистического и сасанидского происхождения (Старый Термез⁵³, Актепе П⁵⁴, Яван), зооморфные ритоны и подставки сосудов (Зартепе⁵⁵) – характеризуют новый средневековый этап в развитии терракотовой пластики. В этот период продолжают традиции пластики кушанской Бактрии: изготавливаются статуэтки местной богини в сидячей позе, статуэтки Будды в образе проповедника, стоящего или сидящего по-азиатски с подвернутыми ногами. Резкое сокращение численности терракот свидетельствует о периоде угасания массового коропластического производства в Тохаристане. Датировка комплекса подтверждается находками кушанско-сасанидских монет.

Предлагаемая хронологическая колонка археологических комплексов наглядно отражает художественные тенденции, характерные для развития искусства Бактрии-Тохаристана на протяжении целого тысячелетия (с III в. до н.э. по VII-VIII вв.н.э.) – от освоения переднеазиатских и эллинистических традиций к выработке собственных неповторимых канонов, из суммы которых был создан бактрийско-кушанский стиль, который сменился новым стилем раннего средневековья, основанным на разрушении канонов и потере традиций массового производства терракот, характерного для предыдущей эпохи и утверждении новых гуманистических принципов в трактовке индивидуализированных образов уникальных произведений коропластики.

¹ Пугаченкова Г.А. Халчаян: К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966. С.219-232.

² Литвинский Б.А., Мухитдинов Х.Ю. Античное городище Саксанохур // СА. 1969. № 2; Мухитдинов Х.Ю. Терракоты Саксанохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии. Душанбе, 1973; Он же. Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксанохура // СА. 1973. № 5; Он же. Терракоты Саксанохура // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т.2. С.378-382; Он же. Саксанохурские материалы для формовки мужских статуэток // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1987. Вып.4. С.91-115.

³ Юркевич Э.Я. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии // СА. 1965. № 4. С.157-167; Зеймаль Т.И. Вахшская долина в древности и раннем средневековье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1969;

- О н а ж е. Позднекушанские слои в Южном Таджикистане // Центральная Азия в кушанскую эпоху. С.267-269; З е й м а л ь Т.И., С е д о в А.В. Яванское городище // Древности Таджикистана. Душанбе, 1985. С.136-139, 336-277; С е д о в А.В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. М., 1987. С.78-79.
- 4 Н е к р а с о в а Е.Г., П у г а ч е н к о в а Г.А. Керамика Дальверзинтепе // Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С.143-161; И с х а к о в а Е.А., И с х а к о в М.Х. Терракоты Дальверзинтепе // Там же. С.161-164; В ы з г о Т.С. Изображения музыкантов в коропластике Дальверзинтепе // Там же. С.165-171; Р о у - g a t s h e n k o v a G. Les trésors de Dalversine tépe. Leningrad, 1978.
 - 5 К о з л о в с к и й Е.А., Н е к р а с о в а В.А. Стратиграфический шурф на цитадели Старого Термеза // Бактрийские древности. Л., 1979; П и д а е в Ш. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда: Античность, раннее средневековье: Материалы сов.-фр. коллоквиума. Ташкент, 1987. С.87-98.
 - 6 З е й м а л ь Т.И. Терракоты Северного Тохаристана: (Вопросы археологической периодизации) // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: Тез. докл. конф. посвящ. десятилетию Южно-Тадж. археол. экспедиции. М., 1983. С.42-44.
 - 7 Л и т в и н с к и й Б.А., С е д о в А.В. Тепай-Шах // Культура и связи в кушанской Бактрии. М., 1988. С.28-38.
 - 8 Анализ нумизматического материала и стратиграфических данных раскопок позволил в настоящее время ряду ученых прийти к заключению, что дата правления Канишки не может быть позднее П. в. н.э. В.М.Массон. Кушанские поселения и кушанская археология // БД. Л., 1976. С.11; О н ж е. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана: Вопросы периодизации и хронологии // ОНУз. 1981. № 4. С.33; О н ж е. Северная Бактрия // Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С.257; К о ш е л е н к о Г.А. Ch.Auge. R.Curiel et S.Le Rider. Terrasses sacrées de Bard-é Méchandre et Masjid-i-Solaiman. Les trouvailles monétaires. P., 1979. (Mémoires de la Délégation archéologique en Iran; T. XLIV). Mission de Susiane sous la direction de R.C.Ghirshman// ВДИ. 1984. № 1. С.191-195. П у г а ч е н к о в а Г.А. К неутраченным дискуссиям: Варварский Гелионл, Герай, Сотер Мегас // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. С.107; М а с с о н В.М. Взаимодействие разноуровневых традиций в городской культуре Бактрии и Согда // Там же. С.75.
 - 9 П у г а ч е н к о в а Г.А. Об одной группе лепных терракотовых статуэток Тохаристана // Новое в советской археологии. М., 1963. С.248-252; О н а ж е. Материалы по коропластике Бактрии-Тохаристана // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967. С.176-185.
 - 10 З е й м а л ь Т.И. Терракоты Северного Тохаристана. С.42-44.
 - 11 З а в ь я л о в В.А. Позднекушанская антропоморфная терракота Зартепе // КСИА. 1981. Вып.167. С.65-69; А б д у л л а е в К.А. Коропластика Бактрии-Тохаристана в античную и раннесредневековую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; А б д у л л а е в К.А., З а в ь я л о в В.А. Сосуды на зооморфных подставках из поселений кушанской Бактрии // СА. 1985. № 4. С.202-212.
 - 12 С е д о в А.В. Бактрийско-сасанидские параллели в коропластике // Культура и искусство Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979. С.68-79.
 - 13 К р у г л и к о в а И.Т., С а р и а н и д и В.И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий // СА. 1971. № 4. С.165; П у г а ч е н к о в а Г.А. Новые данные в художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С.78-129; К р у г л и к о в а И.Т. Дильбержин. М., 1974. Ч.1. С.36, рис.26; К р у г л и к о в а И.Т., П у г а ч е н к о в а Г.А. М., 1977. Ч.2. С.37, рис.32; З а в ь я л о в В.А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зартепе в 1975-1976 гг // СА. 1979. № 3. С.141-159; Л и т в и н с к и й Б.А., С е д о в А.В. Тепай-Шах. С.22-27; А б д у л л а е в К.А., З а в ь я л о в В.А. Буддийские мотивы в городской культуре позднекушанского времени: (По материалам Зартепе) // ВДИ. 1985. № 4. С.111-121; К р у г л и к о в а И.Т. Дильбержин. Храм Диоскуров. М., 1986. С.81, рис.77; С е д о в А.В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. С.78-107.

- 14 **F r a n c f o r t** Н.Р. Fouilles d'Ai-Khanoum III: Le sanctuaire du temple à niches indentées 2. Les trouvailles - MDFA. P., 1984. Т. 27. Р. 39. Pl. XVI.
- 15 **М а с с о н** В.М. Северная Бактрия. С.254-255. См. приведенную литературу. После выхода в свет этого тома важные исследования были продолжены в этом направлении. См.: **П и д а е в** Ш.Р. Стратиграфия городища Старого Термеза... С.87-98; **С е д о в** А.В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. С.78-114.
- 16 **F r a n c f o r t** Н.-Р. Op. cit. P. 39. Pl. CXVI.
- 17 **М а с с о н** В.М. Северная Бактрия. С.255, 297. Табл.СIX.
- 18 **М е ш к е р и с** В.А. Три новых памятника коропластики Бактрии (переднеазиатские параллели) // КСИА. 1985. Вып.182. С.63-86.
- 19 **V a n I n g e n** W. Figurines from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor; L., 1939. Vol. 45. Pl. II, 10, 11. P.61-65; **Z i e g l e r** Ch. Die Terrakotten von Warka: Ausgrabungen der deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka. B., 1962. Bd. 6. Taf. 17, 257. S.76, 165.
- 20 **З е й м а л ь** Т.И. Терракоты Северного Таджикистана. С.43; **С а в ч у к** С.А. Предметы малого искусства из Кампыртепе // ОНУз. 1984. № 7. С.40, рис.1,2. Статуэтки ранней иконографии обнаружены в соседнем Согде на городище Ер-курган, в позднекушанском слое III-IV в.н.э. См.: **В о р о б ь е в а** С.Н. Терракотовая статуэтка на городище Ер-курган // ОНУз. 1989. № 3. С.51-53.
- 21 **Л и т в и н с к и й** Б.А., **С е д о в** А.В. Тепай-шах. С.32.
- 22 **М а с с о н** В.М. Северная Бактрия. С.266.
- 23 **F r a n c f o r t** Н.-Р. Op. cit. P. 39, 40. Pl. XVI. N 10, 11, 14.
- 24 **Л и т в и н с к и й** Б.А., **П и ч и к я н** И.Р. Ножны Акинака из Бактрии // ВДИ. 1981. С.195-212; **П и ч и к я н** И.Р. Александр-Теракл: (Грекобактрийский портрет великого полководца) // СА. 1983. № 1. С.80-89; **С а в ч у к** С.А. Предметы малого искусства из Кампыртепе. С.39-41; **П и д а е в** Ш.Р. Костяная статуэтка с городища Старого Термеза // ОНУз. 1986. № 6. С.40-42; **О н ж е**. Стратиграфия городища Старого Термеза. С.89.
- 25 **С е д о в** А.В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на правом берегу Амударьи // СА. 1984. № 3. С.171-178; **П и д а е в** Ш. Стратиграфия городища Старого Термеза... С.88-89.
- 26 **К о ш е л е н к о** Г.А. О фронтальности в парфянском искусстве // Историко-археологический сборник. М., 1962. С.135-146.
- 27 **F r a n c f o r t** Н.-Р. Op. cit. Pl. VI, N 45.
- 28 **У з я н о в** С.А. О серебряной статуэтке, найденной на Тахти-Сангине // Центральная Азия, новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С.290-297, ил.3 на с.366.
- 29 **М у х и т д и н о в** Х.Ю. Терракоты Саксанохура... С.11, 14, 15.
- 30 **П и д а е в** Ш.Р. Кушанская терракота из Мирзакултепа // ОНУз. 1975. № 8. С.59-63, рис.1,2.
- 31 **Р о у г а т с х е н к о в а** G. Op. cit. P. 50, fig. 34.
- 32 **Р т в е л а д з е** Э.В., **Л и т в и н с к и й** Б.А., **С е д о в** А.В. Тепай-шах: Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983 // ВДИ. 1985. № 4. С.186; **П у г а ч е н к о в а** Г.А. К неутихающим дискуссиям. С.107.
- 33 **М а н д е л ь ш т а м** А.М. Кочевники на пути в Индию. М., 1966. С.156; **П у г а ч е н к о в а** Г.А., **Халчаян**. С.40, рис.17; **Н е к р а с о в а** Е.Г., **П у г а ч е н к о в а** Г.А. Указ.соч. С.146, рис.101.
- 34 **П у г а ч е н к о в а** Г.А. Халчаян. С.218, 221, рис.102-104.
- 35 **Б а б а е в** А.Д. Коропластика Чим-кургана (Северный Таджикистан) // СА. 1982. № 4. С.232-235; **О н ж е**. Саки, юзджи и Северная Бактрия // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С.198, рис.1.

- 36 П у г а ч е н к о в а Г.А., Р т в е л а д з е Э.В. Указ.соч. С.43, рис.1.
- 37 Т у р г у н о в Б.А. Айртамский могильник // ОНУз. 1968. № 8. Рис.1; О н ж е. К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана. С.66, рис.13, 14.
- 38 П и д а е в Ш. Стратиграфия городища Старого Термеза... С.89-91, рис.3,4.
- 39 П и д а е в Ш. Мирзакултепе раннекушанского времени в Северной Бактрии // БД. Л., 1976. С.68-75.
- 40 К е р з у м А.П. Тахти-Сангин: Керамика алтарно-башенного сооружения // Учен. зап. Комис. по изуч. памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока Всесоюз. ассоц. востоковедов: Археол. источники. М., 1989. С.197.
- 41 С а в ч у к С.А., М а л ь к е е в а А.А. Терракотовые статуэтки музункантов из Кампыртепе // ОНУз. 1989. № 5. С.34-37, рис.1-3.
- 42 М а с с о н В.М. Северная Бактрия. С.255, 256.
- 43 З е й м а л ь Е.Р. Монетные находки 1972 г. из Шарртузского района // Литвинский Б.А., Седов А. Тепаи-шах. С.29 и сл.; О н ж е. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983. С.157.
- 44 Д а в и д о в и ч Е.А. Первый клад тетрадрахм кушанца "Герая" // ВДИ. 1976. № 4.
- 45 П у г а ч е н к о в а Г.А. К неутрачивающим дискуссиям. С.98-107.
- 46 Там же. С.107.
- 47 З е й м а л ь Т.И. Терракоты Северного Тохаристана. С.43.
- 48 И с х а к о в а Е.А., И с х а к о в М.Х. Указ.соч. С.161; А б д у л л а е в К. Указ.соч. С.7-10.
- 49 М е ш к е р и с В.А. Отражение индийского культового синкретизма в коропластике Бактрии-Тохаристана // МАИКА. 1985. Вып.11. С.19-30.
- 50 М а с с о н В.М. Северная Бактрия. С.256.
- 51 П у г а ч е н к о в а Г.А. Халчаян. С.226, рис.106,2.
- 52 Р о у г а т с х е н к о в а G. Op. cit. S. 52, 53, 74.
- 53 П и д а е в Ш. Стратиграфия городища Старого Термеза... С.93, 94, рис.6.
- 54 Древности Таджикистана. С.139, 408.
- 55 А б д у л л а е в К., З а в ь я л о в В.Л. Сосуды на зооморфных подставках....

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С РИМСКО-ГЕРМАНСКИМ ЦЕНТРАЛЬНЫМ МУЗЕЕМ,
МАЙНЦ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Издаются с 1939 г.

209

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ,
СИБИРИ И КАВКАЗА

МОСКВА «НАУКА» 1993

АНТИЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Воздействие культуры античного Запада на формирование искусства древних народов Средней Азии — одна из существенных проблем, открывающая широкие перспективы в области изучения памятников музыкальной археологии. Фиксация «музыкальных» находок методом картографирования позволила представить путь продвижения на Восток античных влияний, которые концентрировались в большей или меньшей степени в локальных зонах азиатской территории в разные исторические периоды. В этой связи важна не только пространственная (по горизонтали), но и хронологическая (по вертикали) характеристика материала, основанная на датированных находках, служащих базовым фундаментом периодизации явлений эллинизма в музыкальной культуре Средней Азии начиная со второй половины I тысячелетия до н. э. по VIII в. н. э. Античные традиции музыкальной культуры всех исторических этапов проявились в восприятии греческих музыкальных инструментов и эллинистических, в основном мифологических образов, трансформированных в той или иной степени под воздействием местных художественных школ. Этот процесс происходил неодинаково, так как Средняя Азия с древнейших времен не представляла единую целую страну: она состояла из региональных объединений с различным уровнем общественных отношений, отличающихся друг от друга заметным своеобразием, а иногда и обособленностью.

Задача настоящей статьи на фактическом материале показать контакты Средней Азии со странами античного мира в сфере музыкальной культуры, ограниченные рамками ранее разработанной периодизации, охватывающей в хронологической последовательности явления эллинизма в изобразительном искусстве с середины I тысячелетия до н. э. по VIII в. н. э.¹

Дозеллинистические традиции (вторая половина I тысячелетия до н. э.). Самые древние изображения музыкальных инструментов обнаружены в Хорезме и относятся к концу классического периода Эллады и ахеменидского Ирана. Однако появление музыкальных сюжетов на керамике и терракотах Кой-Крылган-калы в слое IV в. до н. э.² воспринимается как результат контактов постахеменидского Хорезма, скорее всего, с древнейшими странами Передней Азии, а не с государствами античного мира³. Влияние эллинизма, по заключению М. Г. Воробьевой, в художественной культуре этого региона ощущалось довольно поздно, в конце II в. н. э.⁴ Вполне возможно, что древнейшие инструменты могли появиться в Хорезме в результате международных связей, осуществляемых в условиях неутрачивающих греко-персидских войн и длительного господства ахеменидского Ирана⁵. По всей вероятности, азиатская по происхождению угловая арфа, получившая распространение в Малой⁶, Передней Азии⁷, а также в Египте⁸ одновременно проникает в Хорезм и Грецию (идентичные арфы изображены на рельефе Кой-Крылган-калы⁹ и античной вазе¹⁰). Не являются греческими и другие «музыкальные» сюжеты, хотя в обозначении инструментария используется греческая терминология. Речь будет идти об инструменте ранее называемом «кифарой»¹¹. Однако сравнительный анализ с полным правом позволяет принять его и за флейту Пана (сиринкс). Точно такой же инструмент, интерпретируемый авторами публикаций как сиринкс, изображен в терракотах Передней Азии. Манера выполнения сравниваемых экземпляров настолько обобщенная, что концы дудочек, составляющих флейту, снизу не различаются¹². Именно этот признак заставлял исследователей видеть в хорезмийском инструменте кифару. Тем не менее в

пользу отождествления его с сиринксом говорят не только приведенные переднеазиатские аналогии, но и еще один серьезный аргумент — типичное положение инструмента-аэрофона. Хорезмийские переднеазиатские флейтисты держат инструмент в согнутых руках высоко перед грудью, у самого подбородка. Судя по дошедшим до нас эллинистическим изображениям, кифаристы не играли в такой позе (у них инструмент обычно находился в левой руке сбоку)¹³. Все приведенные доводы позволяют сделать заключение о том, что вопрос об отождествлении хорезмийского инструмента с кифарой или сиринксом до сих пор остается открытым. Бесспорные изображения кифары и сиринкса появляются в Средней Азии только в кушанскую эпоху, в I в. н. э.: Эрот на шкатулке из Тахти-Сангин (рис. 1, 3), дионисийские персонажи (рис. 2, 2) на статуэтках из Зартепе и Кампыртепе¹⁴. Изображение сиринкса или кифары на хорезмийских статуэтках IV в. до н. э. открывают новую страницу в истории древней музыки Средней Азии, так как эти, как было принято считать, типичные греческие инструменты, связывали с проникновением эллинистической культуры в более позднюю эпоху в Парфию и кушанскую Бактрию. Сиринкс или кифара постахеменидского Хорезма не являются приметой освоения культуры античной цивилизации и свидетельствуют о существовании этих инструментов на азиатской территории до прихода греков¹⁵. Архаический период истории музыки характеризовался типологическими соответствиями в иконографии музыкантов. Образ обнаженного музыканта с лютней, запечатленного на согдийских статуэтках, иконографически близок к статуэткам Западной Парфии¹⁶. Таким образом, находясь в орбите единых процессов, обусловленных широкими международными связями и взаимовлияниями, ранняя фаза музыкальной культуры Средней Азии развивалась не изолированно. В тот период устанавливаются контакты между странами восточного эллинизма.

Эллинистические традиции (конец IV—III в. до н. э.— IV в. н. э.). В ранний эллинистический период (конец IV—I вв. н. э.) часть Средней Азии последовательно входила в состав восточноэллинистических государств Александра Македонского, Селевкидов, Парфии, Греко-Бактрии. Эти южные среднеазиатские государственные образования стали ядром филлэллинской городской культуры, представляющей восточную ойкумену античного мира. В тот период в художественной культуре Средней Азии доминировали античные элементы. В «имперский период» в поздней Парфии и Кушанском царстве творчески усвоенные античные традиции наряду с элементами местной, степной и индийской культуры создают оригинальное искусство, формирование и расцвет которого приходится на I—IV вв. н. э.

Музыкальная культура Средней Азии эллинистической эпохи пережила два этапа: первый целиком основан на прямом заимствовании элементов греческой культуры, второй — на ассимиляции западных влияний. К раннему этапу относятся найденные в раскопках подлинные музыкальные инструменты: флейта из дерева (по-видимому, горкзонтальная), обнаруженная в греческом городе Айханум¹⁷, а также костяные флейты с городища Тахти-Сангин¹⁸ и Старого Термеза¹⁹. Находки подтверждают сообщение китайских источников о том, что поперечная флейта была заимствована китайскими музыкантами из Западного края, т. е. из Средней Азии в эпоху Хань, во II в. н. э.²⁰ Устойчивость традиций местного инструментария нашла отражение в терракотах Кампыртепе I—II вв. н. э., на которых воспроизведены продольная и поперечная флейты²¹.

Хорошо известный греческий инструмент авлос, т. е. двойной гобой, был распространен не только в странах западного, но и восточного эллинизма. Духовой инструмент, состоящий из двух трубок, известен с глубокой древности.

1

2

3

4

Рис. 1. Изображения кифары и авлоса на памятниках музыкальной археологии Бактрии и Согда
1 — терракотовая плитка (Пенджикент); 2 — Сатир с авлосом (терракота, Старый Термез);
3, 4 — Эрот с кифарой, статуэтка Силен-Марсий (Тахти, Сангин)

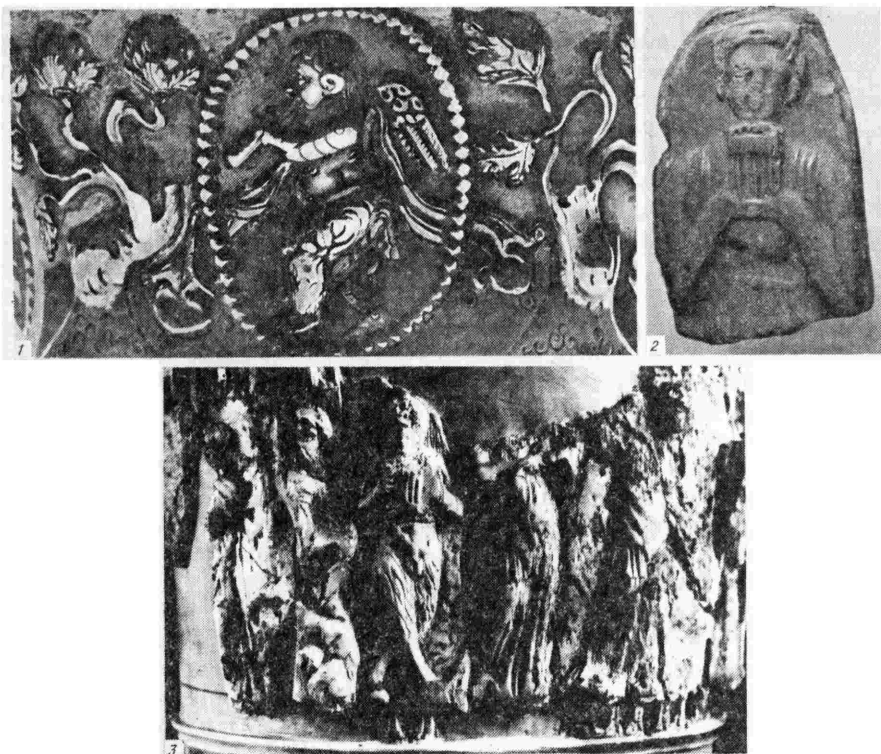

Рис. 2. Изображения аэрофонов на памятниках археологии Бактрии и Парфии

1 — крылатый Эрот с продольной флейтой (Бартымский кубок); 2 — дионисийский персонаж (терракотовая статуэтка из Зартепе); 3 — Сатир с флейтой Пана (деталь ритона. Старая Ниса)

Он запечатлен на терракотах Передней Азии II—I тысячелетия до н. э. Однако древнейший инструмент имел параллельно расположенные трубки. Греческий «двойной гобой», известный под названием авлос, отличается расположением трубок — последние сконструированы не параллельно, а под углом в верхней части.

В первые века до нашей эры вместе с образами греческой мифологии в Бактрии появляется авлос. Вотивный алтарик II в. до н. э. (из Тахты-Сангин) с бронзовой статуэткой Силена-Марсия (рис. 2, 4), играющего на авлосе²², статуэтка Сатира-авлетиста (Старый Термез — рис. 1, 2)²³, столь похожого на фигурку Сатира-музыканта III в. до н. э. из Месопотамии²⁴, фигурка авлетистки из Южной Бактрии²⁵, позволяют предположить о внедрении дионисизма с его неперенными «музыкальными» вакхическими мотивами в культуру Среднего Востока²⁶.

Изображения авлоса на памятниках первых веков нашей эры (Айртамский фриз²⁷, греко-буддийские рельефы²⁸) позволяют заключить, что этот инструмент в бактрийско-гандхарском регионе вряд ли продолжал существовать в кушанскую эпоху. Авлос пока зафиксирован только в Бактрии. В других регионах Средней Азии изображения этого инструмента не обнаружены. Следует отметить, что этот инструмент в древнем мире пользовался большой популярностью. Однако в Средней Азии он не был столь распространен, как на Переднем Востоке.

Флейта Пана, типичный инструмент греко-римской культуры, крайне редко встречается в археологических материалах Средней Азии эллинистической эпохи.

С этой точки зрения интересны статуэтки, найденные на городище Зартепе²⁹ (рис. 2, 2) и Кампыртепе³⁰ (близ Термеза), датированные кушанским временем. Близкие временные параллели могут определить место бактрийских музыкантов, играющих на флейте Пана, в общем явлении — распространении эллинистической культуры на Восток. Из греко-римского мира этот инструмент проникает на север — на территорию Германии в эпоху римского господства (с I в. до н. э. по IV в. н. э.)³¹ и на Восток — в Египет птолемеевской эпохи. В греко-римском Египте флейта Пана являлась составной частью сложного многоствольного инструмента, в котором К. Закс выделил прототип органа³², существовавшего в музыкальной культуре Египта (в Александрии) с III в. до н. э.³³ Восьмиствольная флейта Пана с широкими поперечными планками, скрепляющими трубки, изображена на одной статуэтке птолемеевского Египта³⁴. Силены, нагие музыканты, женские персонажи в эллинистических одеяниях с сириинском воспроизведены в массовом материале коропластики Западной Парфии³⁵.

Многоствольную флейту Пана можно видеть на памятниках Северо-Западной Индии³⁶. В большом количестве этот инструмент воспроизведен в терракотах Восточного Туркестана³⁷. Наиболее ярко эллинистическая природа проявилась в дионисийских сценах на ритонах Нисы, на которых изображены разнообразные музыкальные инструменты, типичные для античного мира: хордофоны (кифары, длинные лютни), аэрофоны (авлос, флейта Пана — рис. 2, 3), идиофоны (металлические чаши), мембранофоны (бубны)³⁸. В тот период сохранение традиционных образов уживается с сильной трансформацией, ассимилирующей чужеземные влияния. Этот сложный процесс отражает терракотовая статуэтка арфистки с городища Старого Термеза³⁹. Непонятный предмет в ее руках раньше принимался за рог изобилия богини плодородия. Однако сравнительный анализ дал возможность установить, что музыкантша держит в руках угловую арфу. Прямые аналогии термезская арфистка имеет с памятниками восточного эллинизма — статуэткой греко-римского Египта⁴⁰, терракотами Западной Парфии (Селевкии на Тигре⁴¹) и эллинистического Арташата⁴². Это типологическое сходство с образцами эллинистического Востока дает возможность считать термезскую статуэтку вариантом выработанного иконографического типа, широко известного на Переднем Востоке и в Средней Азии в первые века до нашей эры и первые века нашей эры.

Образ обнаженного музыканта с лютней (упомянутый выше), запечатленный на ранних статуэтках в Согде, истоки которого восходят к древнейшим прототипам Передней Азии, получает вторую жизнь в первые века нашей эры. С этой точки зрения интересна недавно открытая статуэтка из поселка Сариясия, расположенного недалеко от Термеза⁴³. Перед нами сложный синкретический образ, сочетающий генетические переднеазиатские и индийские традиции, а также приметы римско-парфянского времени, которые оживились в первые века нашей эры, в период расцвета кушанского государства. Статуэтка нагого музыканта из Сариясия типологически близка к скульптуре обнаженного лютниста римского времени из Египта, ныне хранящейся в Каирском музее. Однако если истоки этого иконографического типа восходят к древнейшим переднеазиатским образам, если временные аналогии уводят в мир восточного эллинизма⁴⁴, то лютня типа гитары, видимо, является типичным инструментом бактрийско-гандхарского региона, который проник в III в. н. э. в Восточный Туркестан (в Миран)⁴⁵.

Позднеэллинистические традиции (IV—VIII вв. н. э.). В эпоху домусульманского средневековья в условиях обширных международных связей и религиозной веротерпимости среднеазиатское общество сохранило в числе многих достижений культуры и античные традиции. В изобразительном искусстве Согда ярко проявилась реминисценция античности (сюжеты, стиль в росписях,

терракотах Пенджикента и Афрасиаба). Тяга к античным образам наблюдается и в музыкальной культуре. На согдийских терракотовых плитках VI в. изображают мифологические персонажи с кифарой (рис. 1, 2). Один из них представляет собой видоизмененный образ Аполлона⁴⁶. Музыкант ансамбля на пенджикентской фреске изображен с флейтой Пана⁴⁷. Устойчивость эллинистических традиций нашла яркое выражение в памятниках торевтики с дионисийскими музыкальными сценами (Алкинское блюдо⁴⁸, Бартымский кубок — рис. 2, 1)⁴⁹. Античные мифологические образы дионисизма свидетельствуют о проникновении в Среднюю Азию типичных образов эллинистической культуры, которые трансформировались под воздействием среднеазиатских традиций.

Рассмотренные в системе предложенной периодизации памятники музыкальной археологии намечают основные вехи широких взаимоконтактов в области мусических искусств народов Средней Азии и эллинистического мира на протяжении тысячелетия.

- ¹ Ставиский Б. Я. Средняя Азия и античность//XIV Междунар. конф. античников соц. стран: Тез. докл. Ереван, 1976; Мешкерис В. А. Эллинистические образы в коропластике Средней Азии//Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978. С. 243—256. Изобразительный материал музыкальной археологии приведен в труде: Karomatow F. M., Meskeris V. A., Vysgo T. S. Mittelasien. Leipzig, 1987. Bd. 2, Lfg. 9. (Далее: Mittelasien).
- ² Воробьева М. Г. Памятники искусства: Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки Кой-Крылтан-кала. М., 1967. С. 184, табл. XXVIII, 32; С. 204, рис. 76; Садоков Р. Л. Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970. С. 43—46, 85—87; Karomatow F. M. Choresm//Mittelasien. S. 15, 16, Abb. 62, 63.
- ³ Вызго Т. С. Музыкальные инструменты Средней Азии: Ист. очерки. 1980. С. 22; Садоков Р. Л. Музыкальная культура... С. 86, 87.
- ⁴ Воробьева М. Г. Античные традиции в памятниках искусства и художественные ремесла древнего Хорезма//Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. С. 234.
- ⁵ Ставиский Б. Я. Средняя Азия и античность. С. 412—414.
- ⁶ Появление в Месопотамии угловой арфы связано с влиянием хеттской культуры во II—I в. до н. э. См.: Закс К. Музыкальная культура Вавилонии и Ассирии//Музыкальная культура древнего мира. Л., 1937. С. 105.
- ⁷ Вызго Т. С. Музыкальные инструменты... С. 22, рис. 26 на с. 46, 47; Duchesne-Guillemin M. Music in the ancient Mesopotamia and Egypt//World Archaeol. 1981. N 3. P. 292—295; Subhi Anwar Rachid. Mesopotamien//Musikgeschichte in Bildern. Leipzig, 1984. Bd. 2. Lfg. 2. Abb. 62, 63—66, 67, 145, 151, 152.
- ⁸ Угловые арфы (найденные образцы самих инструментов и их изображения), связанные с переднеазиатской традицией, появившиеся в Египте с XV в. до н. э., продолжали существовать в более поздние эпохи античной истории (в период Птолемея и господства Рима) с эпохи XVIII династии. См.: Закс К. Музыкальная культура Египта//Музыкальная культура древнего мира. С. 56—58, 62, рис. 4, 8; Hickmann H. Ägypten//Musikgeschichte in Bildern. Bd. 2, Lfg. 1. S. 30, Abb. 8; Hickmann E., Manniche L. Die Musik des Altertums//Neues Handbuch der Musikwissenschaft. Laaber-Verlag, 1989. Bd. 1. S. 68, 69 (Abb.) (изображения птолемеевской и римской эпох).
- ⁹ Садоков Р. Л. Музыкальная культура древнего Хорезма. С. 66, 67.
- ¹⁰ Закс К. Музыкально-теоретические воззрения и инструменты древних греков//Музыкальная культура древнего мира. С. 152, рис. 22.
- ¹¹ Воробьева М. Г. Античные традиции в памятниках искусства... С. 184, табл. XXVIII, 32, 33; Садоков Р. Л. Музыкальная культура древнего Хорезма. С. 85—87.
- ¹² Ingen W. van. Figurines from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor; Oxford, 1939. Pl. XL, 289 (N 576), 291 (N 578). (Univ. Mich. press Humanistie ser.; V. 45); Ziegler Ch. Die Terracotten von Warka//Ausgrabungen der deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka. B., 1962. Bd. 6. S. 104. Taf. 28, 378; Subhi Anwar Rashid. Mesopotamien. Bd. 2. Lfg. 2. Abb. 160, 162.
- ¹³ Buren E. Douglas van. Clay figurines of Babylonia and Assyria//Yale Orient. Ser. Res. 1930. V. 16. Pl. LIX, fig. 286; Legrain L. Terracottas from Nippur//Publ. Babylonian Section. Univ. Pa. 1930. V. 16. P. 21. Pl. XXII, 112, 120; Ingen W. van. Figurines from Seleucia... P. 166. Pl. XXXVII, 270 (N 538), 271 (N 539); Barrelet M.-T. Figurines et reliefs in Terre-cuite de la Mésopotamie Antique. P., 1968. P. 346, pl. LXII, N 668; Wegner M. Griechenland//Musikgeschichte

- in Bildern. Leipzig, 1963. Bd. 2, Lfg. 4. Abb. 3, 19, 23, 137; Winter F. Die Typen der Figürlichen Terrakotten. В.; Stuttgart, 1903. Bd. 3(2). Taf. 138, 2, 3, 10, 11.
- ¹⁴ Литвинский Б. А., Пичикян И. Ф. Кушанские эроты//БДИ. 1979. № 2. С. 87—110; Завьялов В. А., Мешкерис В. А. Бактрийский музыкант с флейтой Пана//ОНУз. 1985. № 1. С. 53; Савчук С. А., Малькеева А. А. Терракотовые статуэтки музыкантов из Кампыртепе//ОНУз. 1989. № 5. С. 37, рис. 3.
 - ¹⁵ Сами греки считали флейту Пана инструментом переднеазиатского происхождения. См.: Вызго Т. С. Музыкальные инструменты Средней Азии. С. 31. Известны воспроизведения этих древнейших инструментов на терракотах и рельефах Месопотамии. Флейту Пана (сиринкс) см.: Buren E. Douglas van. Clay figurines. P. 242. N 1190; Barrelet M.-T. Figurines... P. 318, N 588; кифару (прямоугольную): Subhi Alwar Rashid. Mesopotamien. S. 50, 66, 134, Abb. 19—22, 149.
 - ¹⁶ Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе, 1974. С. 15, табл. 1, 3. См. парфянские аналогии в приведенной литературе.
 - ¹⁷ Francfort H.-F. Fouilles d'Ai-Khanoum. 3. Le sanctuaire du temple a niches indentées. P., 1984. P. 32, pl. XV, N 23.
 - ¹⁸ Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии//ВДИ. 1985. № 4. С. 89.
 - ¹⁹ Пидяев Ш. Ф. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок//Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987. С. 89, рис. 2.
 - ²⁰ Рифтин Б. Л. Из истории культурных связей Средней Азии и Китая (II в. до н. э.— VIII в. н. э.)//ПВ. 1960. № 5. С. 120.
 - ²¹ Савчук С. А., Малькеева А. А. Терракотовые статуэтки... С. 35, 36, рис. 1, 2.
 - ²² Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р. Вотив Атросока... С. 88.
 - ²³ Вызго Т. С., Мешкерис В. А. Терракотовые фигурки музыкантов из Термеза//ОНУз. 1983. № 2. С. 33.
 - ²⁴ Buren E. Douglas van. Clay figurines... P. 181, pl. XLVIII, fig. 233.
 - ²⁵ Carl J. Fouilles dans le site de Shahri-i-Banu et sondages au Zakar-tepe//MDAFA. P., 1959. V. 8. P. 59, 73, fig. 218.
 - ²⁶ Пугаченкова Г. А. Дионисийская тема в античном искусстве Средней Азии//Acta antiqua Acad. sci. hung. 1967. T. 15, fasc. 1/4. P. 423—428.
 - ²⁷ Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М., Л., 1940. Табл. 45—49.
 - ²⁸ Kaufmann W. Altiden//Musikgeschichte in Bildern. Leipzig, 1981. Bd. 2. Lfg. 8. Abb. 108, 114.
 - ²⁹ Завьялов В. А., Мешкерис В. А. Бактрийский музыкант... С. 52—55.
 - ³⁰ Савчук С. А., Малькеева А. А. Терракотовые статуэтки... С. 37, рис. 3.
 - ³¹ Ginsberg-Klar M. E. The archaeology of musical instruments in Germany during the Roman period//World Archeol. 1981. V. 12. P. 316, pl. 79.
 - ³² Hickmann H. Ägypten. S. 94, Abb. 57, 58. См. ссылку на работу К. Закса.
 - ³³ Dushesne-Guillemain M. Musik in the ancient Mesopotamia and Egypt//World Archeol. 1981. V. 12. P. 292.
 - ³⁴ Hickmann H. Ägypten. S. 110, Abb. 75.
 - ³⁵ Ingen W. van. Figurines from Seleucia... N 189 (576), N 290 (577), 195 (573), 292 (579).
 - ³⁶ Kaufmann W. Altiden. S. 125, Abb. 78, 79, 84, 108, 113.
 - ³⁷ Сорокин С. С. Древние художественные изделия из Хотана//Дьяконова Н. В., Сорокин С. С. Хотинские древности. Л., 1961. С. 29, табл. 22, 805, 806.
 - ³⁸ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Парфянские ритоны Нисы: Альбом. М., 1956; Они же. Парфянские ритоны Нисы//ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1959. № 4. Примечание: имеется точка зрения о гандхарском генезисе нисийских ритонов. См.: Щербакова Т. В. К вопросу о месте изготовления ритонов, найденных на городище старая Ниса//Тез. докл. II Всесоюз. конф. по пробл. искусства народов Закавказья, Сред. Азии, Казахстана и вост. республик РСФСР. М., 1963; Сергеева Т. В. К вопросу о месте изготовления ритонов, найденных на городище Старая Ниса//Сообщ. Гос. музея искусства народов Востока. М., 1972. Вып. 5. С. 66—75.
 - ³⁹ Вызго Т. С., Мешкерис В. А. Терракотовые фигурки... С. 38.
 - ⁴⁰ Hickmann H. Ägypten. Abb. 109.
 - ⁴¹ Ingen W. van. Figurines from Seleucia... Pl. XXXVI, 256, 260, 261, 263, 265.
 - ⁴² Хачатрян Т. Д. Об античной коропластике Армении//ВДИ. 1979. № 3. С. 94, 95, табл. III.
 - ⁴³ Мешкерис В. А. Три новых памятника коропластики Бактрии//КСИА. 1985. Вып. 182. С. 60—63.
 - ⁴⁴ Мешкерис В. А. Ранние терракоты Согда: (К вопросу об истоках согдийской коропластики)//Искусство таджикского народа. Душанбе, 1965. С. 34, 35, рис. 16.
 - ⁴⁵ Stein A. Ruines of Desert Gathay. L., 1912. V. 1. Pl. 146; Датировка Мирана приведена в следующих трудах: Rowland B. Zentralasien. Baden-Baden, 1970. S. 30; Bussagli M. Central Asien painting. Geneva, 1979. P. 27.
 - ⁴⁶ Mittelasien. Abb. 128, 130.
 - ⁴⁷ Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973. С. 24.
 - ⁴⁸ Mittelasien. Abb. 50, 51.
 - ⁴⁹ Ibid. Abb. 86—90.